

Первый роман

Сестры ВОРОБЕЙ

Фальшивая ножа

Вера и Марина Воробей

Фальшивая нота

Серия «Первый роман»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163007
Фальшивая нота: Росмэн-Пресс; Москва; 2003
ISBN 5-353-01105-8

Аннотация

Женя Кочевник, с которым виджей Черепашка познакомилась при весьма необычных обстоятельствах, пишет хорошие песни. И его как руководителя группы «Круги на воде» пригласили на передачу «Уроки рока», чтобы он рассказал о своем творчестве и спел свои песни.

Маша, бывшая подруга Жени, певшая соло в его группе и ушедшая в другую группу, увидела по телевидению клип, снятый на его песню, и решила во что бы то ни стало вернуть Женю.

Содержание

1	4
2	12
3	18
4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вера и Марина Воробей

Фальшивая нота

1

В бессильной злобе по комнате металась русоволосая девушка. Время от времени она издавала глухие, похожие на сдавленное мычание звуки, ее длинная коса была наполовину расплетена. В углу, напротив кожаного кресла, светился экран телевизора. Он был включен на полную громкость. Внезапно девушка остановилась как вкопанная и замерла посреди комнаты. Послышалась знакомая мелодия музыкальной заставки. Стремглав девушка кинулась к креслу и со всего маху рухнула в него. Кресло скрипнуло тихонько и жалобно. Всем корпусом девушка подалась вперед, ее взгляд был прикован к экрану, на котором появилось лицо ведущей. Ее девушка знала лично, но знакомство это произошло при столь странных обстоятельствах, что вспоминать о них обладательнице русой косы не хотелось. Она знала, что ведущую программы «Уроки рока» зовут Люся Черепашкина, хотя все гости программы называют ее Черепашкой. Даже в титрах всегда пишут: «Ведущая – виджей Черепашка». В жизни Люся была совсем не такой, какой казалась с экрана телевизора. В жизни она вела себя как обычная девчонка, а вот в кадре

выглядела неприступной и даже высокомерной. Во всяком случае, девушке с длинной косой казалось именно так.

– Не была бы ты, Машенька, в свое время такой дурой, сидела бы сейчас не тут, а в студии! И нечего теперь слезы лить! Сама во всем виновата! – охрипшим голосом произнесла девушка, кусая сухие, потрескавшиеся губы.

Она сказала это самой себе: была у нее такая манера – вслух давать себе наставления. При этом она всегда обращалась к себе по имени. Девушку звали Машей.

Камера поползла вправо, и Маша увидела героя сегодняшней программы, с которым она тоже была прекрасно знакома. И даже больше, чем просто знакома... Впрочем, сейчас ей казалось, что все это происходило так давно, что вроде бы даже и вовсе не происходило. Хотя на самом деле с тех пор, как она рассталась с этим парнем, прошло чуть больше месяца.

Женя держался перед камерой просто и уверенно. И даже если и ощущалось легкое волнение, то оно только вносило в передачу ту необходимую долю непосредственности, без которой любое зрелище кажется заранее отрепетированным.

Черепашка представила Женю и сообщила телезрителям, что он является лидером группы «Круги на воде».

«Итак, сегодня мы знакомим вас с новой рок-группой. Женя, скажи, а кто придумал название группы?»

– Я! – неожиданно громко вырвалось у Маши. Выкрик получился отчаянным, резким и пронзительным, похожим на

крик чайки. Девушка еще ближе придвинулась к экрану. – Я придумала название группы! – злобно сощутив свои опухшие от слез глаза, повторила она. – Понятно вам?

Но ее слова, естественно, остались не услышанными теми, к кому они были обращены. И тогда в голове девушки сам собой возник план. Как и все гениальное, он был предельно прост.

А между тем по ту сторону экрана зазвучал спокойный голос Жени:

«Название придумала моя бывшая девушка. Ее зовут Маша. Она была в нашей группе солисткой. Но с тех пор как она ушла, я сам исполняю свои песни».

«И на мой взгляд, у вас это очень даже неплохо получается», – как бы мимоходом заметила ведущая.

Маша, услышав это, так и заскрипела зубами.

– А судьи кто? – гневно выдохнула она.

«Так вот, название... – несколько смущенно возвращался к заданному вопросу парень, – не то чтобы Маша его придумала... Просто у нее была такая присказка: когда ей казалось, что кто-то говорит не по делу или врет, она обычно выдавала: «Ну что ты гонишь круги на воде?!» Обычно в таких случаях говорят «гнать пургу» или просто «гнать», а вот Маша откуда-то выкопала эти «круги на воде». И когда мы стали придумывать название группы, я что-то такое предложил, не помню уже, что именно, ну а Маша возмутилась, как водится: «Да ну! Круги на воде!» Тут я и понял, что называться

мы будем только так: «Круги на воде». Правда, я вкладываю в это словосочетание совсем другой смысл. Для меня «Круги на воде» – это отзвук или последствия какого-то действия. Ну как если песня уже спета, а в воздухе еще не замерли звуки, как круги на воде. Вот так приблизительно», – улыбнулся Женя и посмотрел на ведущую.

Маше очень не понравился этот взгляд: какой-то цепкий, вопросительный и вместе с тем нежный... Женя будто спрашивал глазами у Черепашки: «Ну как я ответил? Тебе за меня не стыдно?» Короче говоря, на посторонних ведущих так не смотрят. Утешало лишь одно: ее, Машу, он не забыл! Даже голос его заметно дрогнул, когда он вдруг заговорил о ней. И в глазах такая тоска светилась, что, наверное, и Черепашка это увидела... Вон как ее перекосило-то всю! Наверняка почувствовала!

Маша не знала, какие на самом деле отношения между Женей и Черепашкой, но что-то внутри, наверное чутье, которое принято называть женским, подсказывало ей, что эту «сладкую парочку» связывает нечто большее, чем взаимный интерес на творческой почве.

«Ну что ж, по-моему, самое время перейти от слов к делу! – как-то натянуто (а может, Маше это просто показалось) улыбнулась Черепашка. Сейчас оператор показывал ее лицо крупным планом. – Клип, который мы вам покажем, – продолжала ведущая, поправив очки своим «фирменным», хорошо знакомым телезрителям жестом, – снят на одну из пе-

сен Жени Кочевника. Она называется «Я – курок!». Когда мы работали над этим клипом, то ставили перед собой довольно скромную задачу: познакомить зрителей с новым музыкантом. И ничего более, поэтому крутых наворотов и спецэффектов не ждите. Дело тут еще и в том, что возможности нашей телекомпании тоже весьма скромные... Так что не судите строго видеоряд, уделите больше внимания самой песне».

Экран на долю секунды стал черным, затем зазвучала музыка. Одновременно с первыми словами песни экран начал белеть, затем медленно проявилось неподвижное Женино лицо. Песня звучала как бы отдельно от изображения, просто фоном. Музыкант, на лице которого выделялись одни лишь глаза (все остальные черты казались как бы нарочно смазанными), смотрел прямо в камеру. И столько отчаяния и боли было в его огромных серых глазах, что Маша явственно ощутила, как вдоль позвоночника пробежала холодная и колючая змейка.

Потом камера отъехала назад, и оказалось, что музыкант стоит посреди комнаты. Вся она (даже пол) была белой, а огромные, во всю стену, окна закрывали белоснежные развевающиеся шторы. Сшитые из наилегчайшей ткани, они то надувались парусом, то, словно обессилив, опадали... Мебели в этой белой квадратной комнате не было, и если бы не чайник, одиноко стоящий в углу (его Маша и заметила-то не сразу, потому что он почти сливался с белыми стенами), то

помещение было бы просто пустым.

На экране практически не происходило никакого движения, если не считать прямо-таки взбесившихся занавесок на окнах. Казалось, еще чуть-чуть – и ветер разорвет их в клочья. Напряженная мелодия достигла высшей точки, потом наступила тишина, которая длилась какую-то долю секунды, и, наконец, ее прямо-таки взорвала мощная волна внезапно обрушившегося припева:

Пробил час, вышел срок,
Я – петля, я – курок!
Прочитай между строк:
Я – курок! Я – курок!

Эту песню, написанную Женей давно, Маша, если честно, никогда не любила, поскольку она была единственной песней, которую Женя даже в те времена, когда Маша еще пела в их группе, исполнял сам. Но ведь текст, написанный в жесткой, отчетливо мужской манере, и вправду в ее устах звучал бы нелепо!

На словах «вышел срок» Маша вздрогнула. И было от чего! Ведь она, как, впрочем, и остальные зрители, решила, что в этом клипе только один герой – Женя Кочевник...

Неожиданно, словно материализовавшись прямо из воздуха, на экране возникла хрупкая девушка. Низко опущенная голова не позволяла как следует рассмотреть ее лицо, но Маше этого и не требовалось. Не было никаких сомнений в

том, что это Черепашка собственной персоной!

Откуда-то из самой глубины Машиной души вырвался глухой стон.

«Так и есть! – с неопишуемой досадой подумала обладательница роскошной русой косы. – У них любовь!»

Тем временем на экране чередовались крупные планы Жени и идущей мелкими шажками Черепашки, снятой издалека. Ее хрупкую фигурку окутывало белое, легкое, с широкими рукавами одеяние, напоминающее кимоно. Так и не показав зрителю своего лица, Черепашка дошла до того угла, где стоял чайник, опустилась перед ним на колени и села, как это делают японки во время чайной церемонии. Затем она взяла чайник в руки, подняла высоко над полом, слегка наклонив его вперед. Из носика полилась струйка темной, почти черной, жидкости (скорее всего, это был чай). По белоснежному полу стало растекаться, становясь все больше и больше, темно-рыжее пятно. Потом камера поднялась вверх, к рукам Черепашки, и зрители увидели, что чай струится и по ее широким рукавам...

Когда во второй раз зазвучал припев, на словах: «Я – петля, я – курок!» – Черепашка разжала свои длинные тонкие пальцы, и чайник медленно полетел на пол. Тут создатели клипа воспользовались эффектом замедленной съемки, поэтому чайник плыл в воздухе до самого конца песни. Все, в том числе и Маша, ожидали, что на этом клип и закончится, но, пока звучали заключительные аккорды песни, чай-

ник успел-таки долететь до пола, но не разбился вдребезги, а просто упал набок и стал медленно покачиваться из стороны в сторону. Вот на этом плавном и почему-то удивительно печальном покачивании пузатого фарфорового чайника и закончился клип, снятый на Женину песню «Я – курок!».

– Поздравляю! – Черепашка встала на цыпочки и, дотянувшись до Жениного лица, звонко чмокнула его в щеку.

Женя был выше ее почти на целую голову. Вместе они смотрелись очень забавно и даже трогательно: оба худые, субтильные, только он высокий, а она маленькая и настолько хрупкая, что, казалось, дунь – и она переломится, как былинка.

– Это я тебя поздравляю, – вдруг густо покраснел он. – Если бы не ты... – Женя запнулся, махнул рукой и проговорил: – Короче, это на девяносто процентов твой успех, а не мой.

– Ну, здравствуйте – приехали! – разочарованно протянула Люся. – Я, что ли, эту песню сочинила и спела?

– Ну, песню не ты, а сценарий клипа...

– Клип – это десятое дело! – возмущенно перебила его Черепашка. – И чего уж я такого там напридумывала? Тоже мне шедевр! Самый заурядный клип-презентация...

– Вот уж чего о нем нельзя сказать, так это то, что он заурядный!

– Тогда почему же телезрители в один голос пели дифирамбы мелодии, тексту песни, лично тебе, и никто при этом ни словом не обмолвился о расчудесном клипе? И потом, даже если он и получился неплохо, то дело тут отнюдь не в

сценарии!

– А в чем же тогда? – искренне удивился Женя.

– В ре-жис-се-ре! – раздельно, по слогам отчеканила Люся.

– Да ладно тебе! – снова, на этот раз раздраженно, махнул рукой Женя. – Что бы он снял без тебя, этот режиссер? Ты ему все на пальцах объяснила. И на монтаже он с тобой советовался, какой план лучше взять. Что я, не видел?!

Вспоминая съемки клипа, Женя Кочевник нисколько не преувеличивал: Черепашка действительно принимала в них активное участие. И режиссер клипа постоянно советовался с ней, спрашивал ее мнение и вообще, можно сказать, действовал под Люсиным чутким руководством. Поэтому Черепашка решила больше не продолжать этот бессмысленный спор.

– Хорошо, – примирительным тоном сказала она. – Будем считать, что мы оба молодцы и честно заслужили награду.

– В виде чего? – живо откликнулся Женя.

– В виде скромного праздника. Только мне почему-то в кафе идти не хочется...

Они уже подходили к станции метро «Алексеевская», поэтому именно сейчас нужно было принимать решение: либо спускаться в метро, либо искать подходящее место здесь.

– А поехали ко мне! – предложил Женя. – Мама будет рада. Она наверняка смотрела передачу.

– Поехали, – охотно согласилась Люся. Она любила бы-

вать у Жени дома, и мама его к ней очень хорошо относилась: всегда приглашала, и не из простого приличия. Такие вещи Люся хорошо чувствовала. — Только нужно зайти в магазин, — сказала она. — Слушай, а может, стоит все-таки позвонить Татьяне Сергеевне?

— Да зачем? — возразил Женя. — Мы сделаем ей приятный сюрприз. Она-то раньше двенадцати меня сегодня не ждет.

Рубрика «Рок-прорыв» появилась в программе «Уроки рока» не так давно, и придумала ее сама Черепашка. В студию приглашали никому пока не известных музыкантов, Люся брала у них интервью, а потом показывался дебютный клип, который снимали, как правило, силами телекомпании «Драйв», потому что у начинающих групп денег ни на студийную запись, ни тем более на съемки клипа не было. После демонстрации клипа начинался интеропрос: в прямом эфире зрители высказывали свое мнение и ставили новой группе либо плюс, либо минус. Из десяти позвонивших на передачу (на самом деле звонков было гораздо больше, но рамки передачи не позволяли пустить в эфир все) не было ни одного человека, которому бы не понравилась Женина песня «Я – курок!». Таким образом, группа «Круги на воде» получила десять плюсов. Такого единодушия зрители не демонстрировали еще ни разу!

Среди дозвонившихся в студию был даже один известный музыкальный продюсер. Правда, он позвонил, когда передача уже закончилась, и предложил группе «Круги на воде»

финансовую поддержку и себя в качестве организатора их раскрутки. И как бы сам Женя ни относился к подобным вещам, этот звонок был еще одним доказательством его несомненной творческой состоятельности. Словом, успех был безоговорочным, и по окончании программы вся съемочная группа поздравила с ним и самого Женю, и Черепашку, которую все тут же называли его «хрупкой музой». Конечно, Женя Кочевник был всему этому искренне рад, и все же не так, как хотелось бы Черепашке.

Она чувствовала, что где-то в самой глубине души Женя остается спокоен, будто бы и не к нему вовсе относились восторженные отклики зрителей и создателей программы. И то, что он пытался только что убедить Черепашку в том, что это, скорее, не его успех, а ее, отнюдь не радовало Люсю. Слишком хорошо понимала она мотивы его поведения. Увы, но все это означало, что Женя останется верен своему принципу: писать песни только для себя и самых близких друзей. Женя был убежденным противником всяческого рода раскруток, объясняя это тем, что ему противно прогибаться под богатым дядей и плясать под его дудку. Ведь если кто-то вкладывает в тебя деньги, то он, этот «кто-то», тут же начинает диктовать свои условия, а именно этого Женя и не намерен терпеть!

Черепашка всеми возможными способами пыталась убедить музыканта в обратном, приводила разные примеры и все такое. Но даже уговорить Женю сделать студийную за-

пись, снять клип и принять участие в программе «Уроки рока» стоило ей немалых усилий. Она надеялась, что успех (а она почему-то с самого начала не сомневалась, что Женина песня понравится зрителям) вдохновит, подстегнет его и Жене захочется, чтобы и другие его песни слышали люди... Но, увы! Похоже, начинающий музыкант остался при своем мнении. Женю Кочевника вообще можно было назвать замкнутым человеком, и, когда в очередной раз в разговоре возникала тема творчества, он говорил Черепашке: «Люсь, ну ты посмотри на меня! Какой из меня публичный человек?! Я же двух слов связать не могу!»

Обычно Черепашка возражала на это: «Тебе так кажется! Я тоже, пока не начала вести программу, думала, что я самый робкий человек на Земле! Вот увидишь, все будет замечательно!»

И Люся оказалась права. Перед камерой Женя держался просто, органично и без особого смущения. Но она кожей чувствовала, что сейчас не стоит уговаривать его принять предложение продюсера. И вообще не стоит вести разговоры о дальнейшей работе. Этим она только испортит все дело. Нужно дать парню время осмыслить все, что произошло, отдышаться, а там уж видно будет.

Черепашка и не думала отступаться от своей идеи сделать из Жени рок-звезду. Да тут и делать ничего не требовалось! По ее мнению, Женя Кочевник с его талантом, музыкальным чутьем и чувством слова был уже вполне сформировав-

шимся самобытным музыкантом, достойным того, чтобы о его творчестве узнали миллионы. Но вся загвоздка состояла в том, что самому Жене вполне хватало Люси да двух-трех друзей, мнением которых он дорожил.

– Я не хотела ее пускать! – возбужденным шепотом сообщила Татьяна Сергеевна, едва ее сын и Люся переступили порог квартиры. – Но ты же знаешь ее! Хуже танка! Я говорю: «У Жени давно уже другая девушка!» – Тут женщина виновато покосилась на Черепашку. – Но она даже слушать не пожелала!

Стоя в прихожей и медленно стягивая с себя куртку, Люся уже знала, кого увидит в следующую минуту. Маша не вышла к ним навстречу. Она продолжала спокойно сидеть в комнате – в кресле.

– Ты не волнуйся, Люсь! – шепнул Женя в самое ухо Черепашке. – Я ее быстро выпровожу! – Он тоже понял, о ком говорит мама.

– Привет телезвездам! – натянуто улыбнулась Маша, демонстративно закидывая ногу на ногу. Она и не подумала переобуться и сидела в черных, на высокой платформе сапогах. В руках девушка вертела гвоздику на длинном стебле. – Вот зашла тебя с дебютом поздравить, – сообщила она и, по-прежнему не вставая с кресла, протянула Жене цветок. – Если б знала, что ты не один вернешься, купила бы два цветочка. – Маша как-то сипло захихикала. То ли она была простужена, то ли Люся давно не слышала ее голоса, но почему-то сейчас он не показался ей таким густым, красивым и

необычным, как раньше. – Да, – задумчиво протянула Маша, – не думала, Женечка, что ты так скоро меня забудешь! А клялся-то, клялся в любви до гроба! – В ее голосе теперь явно слышались насмешливые, издевательские нотки. – Как вспомню... И даже с крыши ради меня был готов сигануть... И вот тебе, пожалуйста – месяца не прошло...

– Послушай, ты зачем сюда явилась? – не выдержал наконец Женя и сам удивился, услышав, как неуверенно звучит его собственный голос.

Черепашка почувствовала, как ее щеки и все лицо заливает густая, горячая краска. Больше всего сейчас ей хотелось убежать, но Люся понимала, что делать этого ни в коем случае не следует.

– То есть как зачем? – округлила глаза Маша и жеманно опустила ресницы. – Я же сказала: пришла поздравить тебя с дебютом! А что, нельзя? – Она по-прежнему играла гвоздикой, потому что Женя так и не принял из ее рук цветка. – Если я не вовремя, так и скажи, зайду в другой раз...

Из кухни раздавался звук льющейся воды и звон посуды. Видимо, Татьяна Сергеевна решила не вмешиваться, позволив молодым людям самостоятельно выяснить отношения.

Маша сидела с опущенными ресницами, и Люся автоматически отметила про себя: накладные. Они были чересчур длинными, чересчур густыми и чересчур черными. Всего – чересчур. Люся прекрасно помнила, что свои, природные, ресницы у Маши светлые и довольно реденькие. А тут вдруг

такая перемена! Черепашка была уверена, что Женя сейчас скажет: «Да, Маша, ты пришла не вовремя!» – или что-нибудь в этом духе, однако он молчал и, потупив взгляд, переминался с ноги на ногу.

– Жень, я, наверное, пойду... – сказала наконец Люся. – Отметим твой дебют как-нибудь потом...

– Не уходи, – как-то жалобно попросил Женя, по-прежнему глядя в пол.

– Значит, уйду я, – заявила Маша, поднимаясь с кресла. Подумав секунду, она бросила гвоздику на стол и уже было шагнула к двери, но тут Женя, который стоял справа от дверного проема, сделал один шаг, загородив собою выход. По его растерянному выражению лица было видно, что он сделал это неосознанно, вовсе не желая таким образом задержать Машу. Он сделал этот шаг, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, а шагнув, сам же испугался своего порыва. Уже в следующую секунду он отскочил от двери и сел на стул, стоявший чуть поодаль. Но, видимо, Маша расценила его поступок по-своему, и теперь она стояла посередине комнаты, ничем не выказывая свою решимость уйти.

Мизансцена изменилась до странности: две девушки стояли и смотрели на парня, ожидая от него каких-то действий, а он сидел на стуле, низко свесив голову на грудь, будто бы всем своим видом показывая, что предоставляет девушкам полную свободу выбора. Как по команде девушки вдруг посмотрели друг на друга, их взгляды пересеклись: Черепаш-

кин – из-за толстых стекол очков, робкий и растерянный, и Машин – решительный, дерзкий, насмешливый. Неудивительно, что в этой молчаливой дуэли победу одержала Маша. Спустя несколько мгновений, показавшихся Люсе вечностью, она резко тряхнула головой и опрометью выбежала из комнаты. И только после этого Женя, будто очнувшись ото сна или выйдя из тяжелого оцепенения, вскочил со стула и кинулся в прихожую вслед за Черепашкой.

Оставшись в комнате одна, Маша улыбнулась своим мыслям, отчего на ее пухлых щеках образовались две ямочки, медленно подошла к креслу, так же медленно опустилась в него и закинула ногу на ногу.

От волнения, внезапно нахлынувшего на нее, Черепашка никак не могла попасть в рукав куртки.

– Люся, Люся, Люся, – тихо и монотонно, как заклинание, повторял Женя.

– Что? – выкрикнула она.

Наконец ей удалось совладать с рукавом, и теперь, наклонившись, Черепашка зашнуровывала ботинки.

– Не уходи, – таким же жалобным голосом, как и в первый раз, попросил Женя и с неожиданной силой вдруг вцепился в рукав ее куртки.

Тут в прихожую на шум выбежала Татьяна Сергеевна.

– Люсенька! Детка! Ты куда? – так и всплеснула руками женщина. – Немедленно раздевайся! Я тебя никуда не пушу! А ты чего стоишь как олух?! – Она гневно сверкнула глазами

на сына. – Раскис?! Тряпка! Ну, я этой... Маше сейчас покажу! – сквозь зубы процедила Татьяна Сергеевна и решительно двинулась в комнату.

Но Люся не стала дожидаться финала.

– Пусти! – Она отдернула руку и рванула на себя входную дверь. Та оказалась заперта. – Открой! – приказала Черепашка.

Женя безмолвно повиновался и, когда Люся уже стояла на лестничной клетке, в третий раз за вечер попросил еле слышно:

– Не уходи!

В какой-то миг там, в комнате, когда они неотрывно смотрели друг другу в глаза, Черепашке вдруг показалось, что еще секунда – и Маша бросится на нее с кулаками или в волосы вцепится... Именно тогда Люся и тряхнула головой, а потом выбежала из комнаты...

«С нее случилось бы!» – подумала Черепашка, быстро удаляясь от Жениного дома. Она знала, что Маша отличается несдержанным характером. Это мягко говоря. А если называть вещи своими именами, то Маша была самой настоящей истеричкой. Причем в весьма запущенной форме. В этом Люся уже имела возможность убедиться. Ведь и с Женей-то ее свела судьба исключительно благодаря Машиной экзальтации. Еще месяц назад Женя был без памяти влюблен в Машу, но в один прекрасный день та сообщила парню,

что решила покинуть его навсегда. Женя был в отчаянии, и тогда Маша сказала, что останется с ним только в том случае, если он познакомит ее с виджеем Черепашкой. То есть с Люсей... И Женя не нашел ничего лучшего, как забраться на крышу шестнадцатизэтажного дома и требовать, чтобы к нему приехала виджей Черепашка. Или... он грозился броситься вниз. Уж слишком велико было отчаяние и горечь возможной утраты. Он просто не мыслил своей жизни без Маши.

Черепашке позвонили из службы спасения, и она поехала, не раздумывая ни секунды. Вот так они и познакомились. Потом Женю увезли в больницу, а она, выполняя данное ему обещание, отправилась к Маше, чтобы передать ей Женину записку. Но оказалось, что Черепашка понадобилась Маше лишь для того, чтобы с ее помощью пробиться на телевидение и радио как солистка рок группы «Грачи прилетели». Оказалось, что Маша, которая раньше пела в «Кругах на воде», теперь переметнулась к «Грачам». Мало того, девушка призналась Люсе, что давно уже не любит Женю и что у нее роман с Игорем – лидером группы «Грачи прилетели». Маша всучила-таки Черепашке кассету с записью нескольких песен этой группы. Но Люсе они категорически не понравились, о чем она и сообщила Маше. С тех пор та и считала Черепашку своим кровным врагом.

А вот Женины песни Черепашке очень даже понравились. Да и что уж греха таить, сам Женя ей тоже очень понра-

вился... И она начала усиленно уговаривать его сделать студийную запись одной из песен, снять клип и принять участие в программе «Уроки рока». Как-то Черепашка сказала, что знает верный способ вернуть Машу. Для этого Жене всего лишь нужно пару раз засветиться на экране телевизора. И он согласился на ее предложение. Правда, потом Женя много раз говорил Люсе, что делает это не ради Маши. Да так оно и было! Совместная работа по-настоящему сблизила их. И до сегодняшнего вечера Черепашка была уверена, что тоже нравится Жене... Они даже целовались три раза! Нет, Женя не из тех людей, которые будут что-то играть, изображать любовь или другие чувства. Непосредственность, искренность и открытость – вот его основные качества. И именно за них Люся и полюбила Женю. Ну, и за талант, конечно, тоже... И за юмор, такой мягкий, понятный только им двоим... Да Черепашке все в нем нравилось! С ним было так легко и хорошо, что просто не верилось, как в один миг можно было все зачеркнуть! И кто тому виной? Все та же истеричная Маша... И ведь так все и случилось, как предсказывала в свое время Люся! До смешного все совпало. Прямо в день эфира и прибежала!

«Вот получи теперь! – со злостью не только на Машу, но и на себя саму подумала Черепашка. – За что боролась, на то и напоролась! Но ведь она не любит его! Ни капельки! Она же насквозь фальшивая! Эгоистичная, тщеславная кукла с длинной косой! И коса у нее бутафорская!» – распаляла себя

Люся, хотя прекрасно знала: коса у Маши самая что ни на есть настоящая.

– Мама! Ну я прошу тебя! – Женя пытался утихомирить не на шутку разбушевавшуюся Татьяну Сергеевну.

– И нечего мне рот затыкать! – запальчиво отрезала женщина. – Я все ей сейчас выскажу! – выкрикнула она так, будто бы Маши в комнате не было. – И как тебя на тот свет чуть не отправила, и как в больницу потом к тебе ни разу не пришла...

– Я приходила в больницу! – перебила Женину маму девушка. Она по-прежнему сидела в кресле, хотя и Татьяна Сергеевна, и Женя стояли.

– Да, приходила! Разборки моему сыну устраивать приходила! Добить ты его приходила! А когда я тебе перед Новым годом позвонила, помнишь, что ты мне ответила?

Маша вопросительно подняла правую бровь и слегка наморщила лоб.

– Забыла?! Так я тебе сейчас напомним! «Воспитали неврастеника, вот и возитесь с ним сами, а я найду себе компанию повеселей!» – вот что ты мне тогда сказала! – Татьяна Сергеевна задохнулась от гнева.

– Мама! – снова попытался вмешаться Женя. – Мы с Машей только поговорим, и она уйдет.

– Ни секунды больше ее в своем доме не потерплю, ясно? И как только наглости хватило явиться?! А Люсю ты по ка-

кому праву выгнала, интересно мне знать? – Татьяна Сергеевна почти вплотную приблизилась к креслу и, воинственно уперев руки в бока, нависла над девушкой.

Но ту, казалось, этим было не пронять.

– Я никого не выгоняла. Скажи, Жень! – капризным голосом потребовала Маша.

Она специально подпустила в голос плаксивых ноток, чтобы разжалобить Женю, а заодно и его суровую мамашу. Для пущего эффекта Маша надула губки и пару раз шмыгнула носом. Однако глаза ее при этом оставались сухими и жесткими.

– Не выгоняла?! – с явной угрозой в голосе переспросила Татьяна Сергеевна. – То-то она выбежала отсюда как ошпаренная! Да ты и мизинца Люсиного не стоишь! – в сердцах выдохнула женщина и отвернулась к окну.

– А вот это не вам решать, Татьяна Сергеевна, кто кого стоит! – резко сменила тактику Маша. – Или Женечка до сих пор у мамы спрашивает, с кем можно дружить, а с кем нельзя? – Теперь ее низкий от природы голос так и звенел в воздухе. Говорила она с таким напором, что Женя совершенно растерялся, готов был заткнуть уши и молил Бога об одном: чтобы эта дикая сцена быстрее закончилась. И тут Маша, будто прочитав его мысли, поднялась с кресла, лениво потянулась, при этом ее округлый живот, прикрытый коротенькой светло-зеленой кофточкой, вылез наружу, а затем, бросив в сторону Жени цепкий взгляд – заметил ли он ку-

сочек ее оголившегося тела? – сказала тоном, не терпящим возражений: – Пойдем отсюда! Чувствую, нам тут не дадут спокойно поговорить.

Демонстративно виляя бедрами, Маша двинулась к выходу, а Женя, как на веревочке, поплелся за ней. При этом он боялся поднять на маму глаза. А Татьяна Сергеевна так и стояла, отвернувшись к окну, пока не услышала, как за ее сыном и Машей захлопнулась входная дверь.

– Ну ты что, обиделся на меня? – изображая из себя маленькую, несмышленную девочку, спросила Маша, как только они вышли из подъезда. – Ну Жека! – Она коснулась его коротких, торчащих в разные стороны волос и нежно провела по ним рукой. – Посмотри на меня, а то я заплачу! – потребовала девушка и даже несколько раз хныкнула для убедительности. И поскольку Женя молча шел с ней рядом и не поворачивал в ее сторону головы, Маша сконцентрировала всю свою энергию, а через секунду по ее щекам и правда полились самые настоящие слезы. Вернее, настоящими они были лишь по своему химическому составу. – Жека, миленький, ну прости меня! – Девушка всхлипывала, кусала губы, заламывала пальцы – словом, сейчас она пустила в ход весь арсенал вспомогательных средств. – Какая же я все-таки дура! Представляешь, а я ведь поверила, что ты будешь любить меня всю жизнь! – Она достала из кармана дубленки платочек и осторожно коснулась им нижнего века. Маша боялась

потревожить накладные ресницы. – А у тебя, оказывается, уже другая... жизнь! – Она умышленно сделала паузу между словом «другая» и словом «жизнь». Продолжая всхлипывать и проливать слезы, Маша ни на секунду не переставала оценивать себя. Как она выглядит со стороны? Достаточно ли натурально плачет? До конца ли правдивы модуляции ее богатого голоса? – Если я противна тебе, ты скажи, и я уйду! Только одно слово... – канючила Маша. Но спутник ее продолжал хранить угрюмое молчание. – Же-е-ка! – вдруг тонко и протяжно завывла она. – Мне без тебя было так плохо... Ну, скажи, ты что, уже ни капельки меня не любишь? Ни капелюшечки? – Девушка внезапно остановилась посреди тротуара, схватила его за руку и, поднеся ее к лицу, принялась быстро и как-то исступленно целовать тыльную сторону его ладони.

– Прекрати! – потребовал Женя и так резко отдернул руку, что случайно ударил ее по щеке.

Закрыв лицо ладонями, девушка беззвучно плакала. Плечи ее судорожно вздрагивали.

– Ну, прости... Я же случайно! – принялся извиняться Женя. Он совсем не хотел обижать Машу, а тем более делать ей больно. А та рыдала так безутешно и горько, что, казалось, не существует в мире силы, способной ее утешить. – Маш... Ну, Машка... Ну, Мышонок... – Он уже и сам готов был расплакаться, когда девушка неожиданно подняла голову:

– Что? Как ты меня назвал? Повтори! – Она смотрела на

него покрасневшими от притворных слез глазами и часто-часто моргала искусственными ресницами.

«Какая она все-таки красивая! – поймал себя на явившейся так некстати мысли Женя. – Даже когда плачет... А ресницы длиннющие, черные, и слезинки дрожат на них, как капельки росы... Дрожат и не падают...»

Как и большинство представителей мужского пола, Женя не отличался особой наблюдательностью, особенно если речь шла о каких-то деталях внешности. Он, конечно, обратил внимание на то, что в Маше с момента их последней встречи произошли какие-то перемены, но, подумав так, не стал себя утруждать подробным анализом. Да и зачем ему было это делать? Он только видел, что его бывшая девушка стала еще краше, и все.

– Как ты меня назвал только что? – повторила свой вопрос Маша. Она даже перестала всхлипывать.

– Не помню, а что? – рассеянно улыбаясь, ответил Женя.

– Ты назвал меня Мышонком! – выкрикнула Маша. – Значит, не забыл? Жень, а может, все еще можно вернуть? Ты же любишь меня! Я точно знаю, любишь! Не верю, что ты мог так быстро все забыть! – Теперь она смотрела на него в упор своими светло-серыми, широко распахнутыми глазами, и он видел, как на них снова наворачиваются слезы.

Да, Маша и впрямь была сейчас удивительно хороша! И даже немного припухшие веки и покрасневшие глаза ничуть не портили ее. Пунцовые щеки, влажные губы и эти глаза,

почти такого же цвета, как у него, только светлее, подернутые слезами и обрамленные роскошными ресницами. Заметив его взгляд, Маша будто бы невзначай нащупала сзади кошу и перебросила ее через плечо. Она помнила, что ее коса всегда сводила Женю с ума.

– А как же Игорь? – внезапно охрипшим голосом спросил Женя, не в силах отвести взгляда от ее лица. Он не хотел произносить этих слов. Они будто бы сами вырвались наружу.

«Нет, ничего вернуть уже нельзя! Я ни одному твоему слову не верю! И очень хорошо понимаю, что привело тебя ко мне!» – именно эти слова собирался произнести Женя... А сам почему-то спросил про Игоря.

– Игорь? – вдруг как от удара кнутом вздрогнула Маша. – С ним все кончено. Он прогнал меня за то, что однажды на репетиции я сказала, что он полная бездарность и что, если он хочет узнать, что такое настоящая музыка, пусть послушает твои песни!

Это была ложь чистой воды, но ее слова прозвучали вполне натурально и убедительно.

– Зачем же ты так? – начал было Женя, но Маша не дала ему договорить, выкрикнув:

– А нечего строить из себя гения! Пусть ноты сначала выучит! Жека, – девушка резко сменила тон, теперь голос ее звучал тихо и вкрадчиво, – я так соскучилась по твоим песням... Представляю, сколько новых ты написал за это время!

Вот бы послушать! – нараспев произнесла она, мечтательно глядя в небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.